

УДК 159.9.072+37.015.31+316.752.4

Научная статья / **Research Full Article**DOI: [10.15293/2658-6762.2503.09](https://doi.org/10.15293/2658-6762.2503.09)Язык статьи: русский / **Article language: Russian**

Специфика комплексной диагностики психологического насилия: оценка последствий для развития детей младшего школьного возраста

А. П. Егорова¹, А. И. Винокурова¹, Н. М. Челбердирова², Ю. Т. Антонова¹

¹ Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия

² Якутский педагогический колледж им. С. Ф. Гоголева, Якутск, Россия

Проблема и цель. В статье рассматривается проблема использования различных диагностических методик для выявления психологического насилия над детьми младшего школьного возраста и жестокого обращения с ними. Цель исследования заключается в определении эффективности использования комплекса диагностических методик для выявления психологического насилия над детьми младшего школьного возраста для оценки его последствий.

Методология. Методологической основой исследования стал комплексный подход, который основан на всеобщей связи явлений, необходимости всестороннего изучения объекта исследования.

Теоретическая база исследования представлена обширной психологической литературой, отечественными и зарубежными монографиями, исследованиями по указанной проблеме, опубликованными в периодических изданиях, справочной литературой, которые основаны на положениях таких авторов, как З. Фрейд, Э. Крпелин, Г. Селье, М. М. Решетников, Д. Калшед и др.

Основой эмпирического исследования стали формализованные методы диагностики «Шкала личностной тревожности» (А. Н. Прихожан), «Незаконченные предложения» (в модификации Е. Н. Волковой), «Рисунок семьи» (Л. Корман). Для обработки полученных данных применен метод математической статистики t-критерий Стьюдента. Диагностическая работа проведена в течение 2023/24 учебного года среди учащихся начальных классов средней общеобразовательной школы города Якутска. Выборка состояла из детей 10–11 лет ($N = 60$). Исследование проводилось в групповой форме с согласия одного из родителей ($N = 60$) и классных руководителей ($N = 2$).

Результаты. Авторы, обобщив теоретическую литературу, отмечают, что выявление признаков психологического насилия над детьми младшего школьного возраста недостаточно четко диагностируется в связи с их возрастными особенностями (скрытность, малая осведомленность о психологическом насилии и т. д.).

Обосновав эффективность комплекса диагностических методов для выявления психологического насилия над детьми младшего школьного возраста и жестокого обращения с ними,

Библиографическая ссылка: Егорова А. П., Винокурова А. И., Челбердирова Н. М., Антонова Ю. Т. Специфика комплексной диагностики психологического насилия: оценка последствий для развития детей младшего школьного возраста // Science for Education Today. – 2025. – Т. 15, № 3. – С. 181–199. DOI: [10.15293/2658-6762.2503.09](https://doi.org/10.15293/2658-6762.2503.09)

✉ Автор для корреспонденции: Юлия Тихоновна Антонова, antonovayt@s-vfu.ru

© А. П. Егорова, А. И. Винокурова, Н. М. Челбердирова, Ю. Т. Антонова, 2025

авторы установили, что у восьми детей младшего школьного возраста обнаружены повышенные отрицательные оценки уровня тревожности ($N = 8$), представления о насилии и деструктивных внутрисемейных отношениях, что дает подтверждение наличия признаков психологического насилия и жестокого обращения в жизнедеятельности данных респондентов. Авторами подчеркивается, что данные последствия могут усугубляться, если психологическое насилие и жестокое обращение имеет долгосрочный характер, и может привести к серьезным последствиям в развитии обучающегося начальной школы, таким как снижение успеваемости, ухудшение отношения со сверстниками, нарушение социальной адаптации и отсутствие мотивации к обучению.

Заключение. Представленный авторами комплекс методик по выявлению психологического насилия над детьми младшего школьного возраста показал свою эффективность в практике и рекомендуется к использованию как ключевой инструмент по выявлению психологического насилия в работе педагога-психолога в школе.

Ключевые слова: младший школьник; школьный возраст; психологическое насилие; рисунок семьи; уровень тревожности; личностная тревожность; посттравматические стрессовые расстройства; возрастные особенности; диагностика уровня тревожности.

Постановка проблемы

На данный момент не существует единого инструментария для выявления и оценки психологического насилия над детьми младшего школьного возраста и жестокого обращения с ними. Изучение данного вопроса является важной и актуальной темой в психолого-педагогической науке и образовании, так как последствия могут воздействовать на дальнейшее развитие ребенка и благополучное детство. Явление насилия требует тщательного рассмотрения, важно вовремя выявить случаи жестокого отношения к ребенку младшего школьного возраста. Типичные симптомы, указывающие на психологическое или физическое насилие, характерны для всех возрастных групп: задержка физического/умственного развития, задержка речевого и моторного развития, низкая успеваемость в школе, нервные тики, энурез, нарушения сна и аппетита, тревожность, постоянная меланхолия или подавленное/аутоагрессивное поведение [2; 7; 8].

Кроме того, стоит отметить, что в большинстве случаев существуют и посттравматические стрессовые расстройства у детей [9; 13;

18]. Серьезность таких последствий обосновывает теоретический анализ причин нанесения психических травм несовершеннолетним [19; 20]. Как утверждают многие авторы, травмы могут быть в любых жизненных ситуациях и могут быть нанесены одним из родителей (законных представителей). Опыт показывает, что некоторые из традиций, которые перенесены в современную жизнь, могут нанести некоторый ущерб в структуре личности современного ребенка, а именно: травма может быть связанной с жестоким обращением с животными [4; 6; 12; 14]. В якутской национальной традиции есть ряд примеров бессердечного на первый взгляд обращения к домашним животным, которые напрямую обусловлены суровыми климатическими условиями, а не жестокостью и насилием по отношению к ним. Современный ребенок, выросший в комфортных условиях, встретившись с элементами якутской национальной традиции может по-своему интерпретировать и принять

их как насилие и угрозу в зависимости от возрастных особенностей¹.

Ученые Т. Я. Сафонова и Е. И. Цимбал выделяют такие возрастные особенности психического состояния и поведения ребенка, которые позволяют заподозрить насилие по отношению к ним [21]. Ребенок может проявлять пассивную реакцию на боль, не протестуя и не сопротивляясь в ответ. Это может быть примером беспомощности или выученной беспомощности, поскольку ребенок, возможно, усвоил, что нет смысла сопротивляться ситуации, даже если это причиняет страдания или вред.

В выявлении детей-жертв насилия в младшем школьном возрасте Л. Л. Сидельник предлагает акцентировать внимание на следующих признаках:

- изоляция и затворничество, отсутствие друзей или ухудшение отношений со сверстниками [17];
- боязнь возвращения домой после школы, и наоборот, дети, встречающиеся с насилием (буллинг) в школе, категорически могут отказываться идти в класс;
- плохая успеваемость;
- неуравновешенность, агрессивность, склонность к разрушительным действиям и порче вещей;
- плохое внимание, замедленная речь, неспособность учиться;
- избегание сверстников, желание играть только с маленькими детьми;
- регрессивные проявления (действия и поведение, характерные для дошкольного возраста) [22; 3, с. 105].

Теоретический анализ зарубежной и отечественной литературы подтверждает, что по-

следствия психологического насилия и жестокого обращения могут негативно повлиять на всестороннее развитие ребенка, а также на обучение в целом.

Цель исследования заключается в определении эффективности использования комплекса диагностических методик для выявления психологического насилия над детьми младшего школьного возраста для оценки его последствий.

Методология исследования

Методы исследования. В качестве методологической основы выступили комплексный и интегративный подходы, которые акцентируют внимание на учете различных аспектов жизни и психики детей младшего школьного возраста. Это позволяет более точно диагностировать и разрабатывать интервенции, которые будут учитывать индивидуальные и возрастные особенности ребенка.

Для достижения цели исследования авторами предложены 3 разных формализованных метода диагностики.

1. Шкала личностной тревожности (А. М. Прихожан, 1983).

Уникальной особенностью таких шкал является то, что они измеряют тревожность, основываясь на оценке индивидами угрозы или тревоженности определенных повседневных ситуаций. Данная методика предназначена для оценки конкретных типов личностной тревожности у детей, к которым относятся:

- тревога, связанная со школой (школьная);
- тревога, связанная с межличностными ситуациями (межличностная);

¹ Паллотта В. И., Попова М. С., Руденок В. Р. Специфика воспитания в якутской семье // Цивилизационные аспекты развития Арктических регионов России:

Материалы VI научно-практической конференции. – М.: Издательский дом «УМЦ», 2025. – С. 286–300. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=80344469>

– тревога, связанная с самооценкой (самооценочная)².

2. Методика диагностики представлений ребенка о насилии «Незаконченные предложения» (Е. Н. Волкова, 2008).

Методика разработана сотрудниками Нижегородского ресурсного центра «Детство без насилия и жестокости» под руководством профессора Е. Н. Волковой и предназначена для оценки когнитивных, эмоциональных и поведенческих аспектов восприятия насилия детьми и подростками, в частности касающихся:

- понимания ребенком насилия как явления;
- эмоций, с которыми он сталкивается в повседневной жизни;
- причин, стоящих за различными эмоциональными состояниями;
- поведения, которое ребенок считает приемлемым в ситуациях насилия.

Оценочный инструмент включает в себя 20 незаконченных предложений и предназначен для детей в возрасте от 10 лет и старше. Если ребенок не может открыто обсуждать травмирующую ситуацию, которую он переживает, то такая форма оценки служит средством выявления его глубинных личностных проблем. Методика является дополнительным инструментом в работе педагога-психолога³.

3. Рисунок семьи (Л. Корман, 1964).

Рисуночная техника может быть использована для исследования наличия психологического насилия в семье. Использование проективных методов для изучения личности ребенка особенно широко распространено в зарубежных странах [2; 6]. Сложная система анализа и интерпретации методики «Рисунок семьи» может начинаться с работы В. Вульфа,

который подчеркивал исключительную важность влияния семьи на развитие личности в раннем детстве. Он разработал ряд методов оценки внутрисемейных отношений. Далее данный тест много раз модернизировался разными авторами, но в обобщении можно сказать, что В. Вульф выделил именно те характеристики рисунка, которые позже неизменно будут объектом интерпретации у других авторов. Сейчас же данный тест в большинстве случаев предназначен для выявления особенностей внутрисемейных отношений. Методику можно использовать с 3,5 лет [2].

Схема проведения исследования. В качестве диагностической работы нами проведено эмпирическое исследование среди учащихся четвертого класса начальной школы. Исследование проводилось в групповой форме под наблюдением классного руководителя. В случае необходимости, особенно при проведении проективных методик, были заданы уточняющие вопросы. Всего в каждом классе продолжительность исследования составила 40 минут. В исследовании использовалась форма А, которая предназначена для детей в возрасте от 10 до 12 лет.

Выборка исследования. Выборка составила 60 детей 10–11 лет (37 мальчиков (61,7 %), 23 девочек (38,3 %)), обучающихся в средней общеобразовательной школе города Якутска. Исследование проводилось с согласия родителей (законных представителей) и классных руководителей.

Таким образом, использование трех методик в комплексе позволяет получить более полное представление о состоянии детей, подвергающихся психологическому насилию. Комплексный подход обеспечивает многосторонний анализ и интеграцию данных.

² Волкова Е. Н. Ребенок и насилие: диагностика, предотвращение и профилактика: монография. – Н. Новгород, 2015. – С. 126–131.

³ Волкова Е. Н. Ребенок и насилие: диагностика, предотвращение и профилактика: монография. – Н. Новгород, 2015. – С. 127–128.

Результаты исследования

Было выявлено по «Шкале личностной тревожности» 33 (19,8 %) обучающихся с явно повышенной и с очень высокой тревожностью, по методике «Незаконченные предложения» 21 (12,6 %) обучающихся с двумя и более

отрицательными ответами, по технике «Рисунок семьи» 28 (16,8 %) респондентов с негативными показателями.

Представим первичные результаты проведенной работы по методике «Шкала тревожности» (рис. 1).

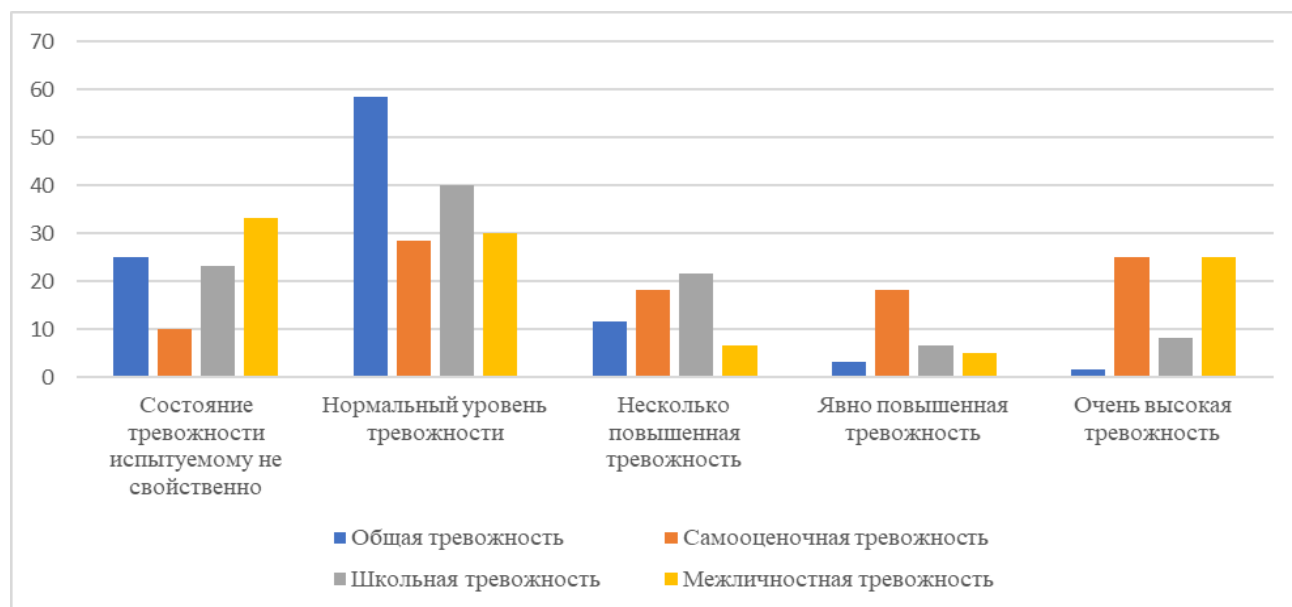

Рис. 1. Результаты показателей тревожного состояния у детей младшего школьного возраста

Fig. 1. Anxiety state indicators in primary school children

Согласно шкале «Общая тревожность» 35 (58,3 %) учащихся демонстрируют нормальный уровень тревожности, необходимый для адаптации к школьной жизни и продуктивной деятельности. Установлено, что 15 учащихся (25 %) не испытывают тревоги, и это может свидетельствовать о защитном характере. Средний уровень тревожности, связанный с конкретными ситуациями или сферами жизни, отмечен у 7 учащихся (11,7 %). Только 3 учащихся (5 %) определены как находящиеся в «опасной зоне». Следующий шаг включает в себя интерпретацию конкретных типов тревожности (рис. 1).

По шкале «Самооценочная тревожность» 17 учащихся (28,4 %) показали нормальный уровень тревожности, связанный с

самооценкой. 6 детей (10 %) признаны «чрезмерно» спокойными. Низкий уровень тревожности позволяет ребенку чувствовать себя спокойно в потенциально опасных ситуациях по сравнению с его сверстниками, которые проявляют высокий уровень тревожности [11]. Учащиеся начальной школы с таким состоянием испытывают значительно меньше беспокойства, когда сталкиваются с важными заданиями. Равное количество (по 11 учащихся, 18,3 %) попали в категории «несколько повышенная тревожность» и «явно повышенная тревожность».

Вторым по высоким результатам определен показатель «очень высокая тревожность» (5 учащихся (25 %)), это означает, что испытуемые

находятся «в группе риска». Состояние тревожности сменяется чувством неотвратимой опасности. Как известно, самооценка у младших школьников зависит напрямую от учебной деятельности, что подтверждается работами З. А. Аксютинной, Т. Ю. Удаловой [15; 16].

По шкале «Школьная тревожность» у большинства (40 %) преобладает нормальный уровень. По показателям «состояние тревожности испытуемому не свойственно» и «несколько повышенная тревожность» – 14 (23,3 %) и 13 (21,7 %) обучающихся соответственно. Только у 9 учащихся (15 %) определена повышенная тревожность (рис. 1).

Следующая шкала «Межличностная тревожность» является одной из основных причин тревожности у младших школьников. Это говорит о том, что проблемы, связанные с социальными взаимодействиями и взаимоотношениями, играют значительную роль в повышении общего уровня тревожности. Как и в остальных видах тревожности, в данном виде преобладает показатель «нормальный уровень

тревожности» – у 18 учащихся (30 %). Вторым отмечен показатель «состояние тревожности испытуемому не свойственно» – у 20 учащихся (33,3 %). У 15 учеников (25 %) преобладает очень высокая тревожность. Это означает, что из-за некоторых факторов ребенок испытывает трудности в общении со сверстниками, с учителем и семьей (рис. 1).

Таким образом, в ходе исследования выявлены уровни тревожности, связанные со школьными ситуациями, ситуациями общения и по отношению к себе. Нормальный уровень тревожности может рассматриваться как необходимый для эффективной адаптации к реальности. В то же время высокий уровень тревожности часто свидетельствует о психическом дискомфорте и служит субъективным показателем наличия психологического неблагополучия.

Результаты испытуемых по методике «Незаконченные предложения» (в модификации Е. Н. Волковой) представлены на рисунке 2.

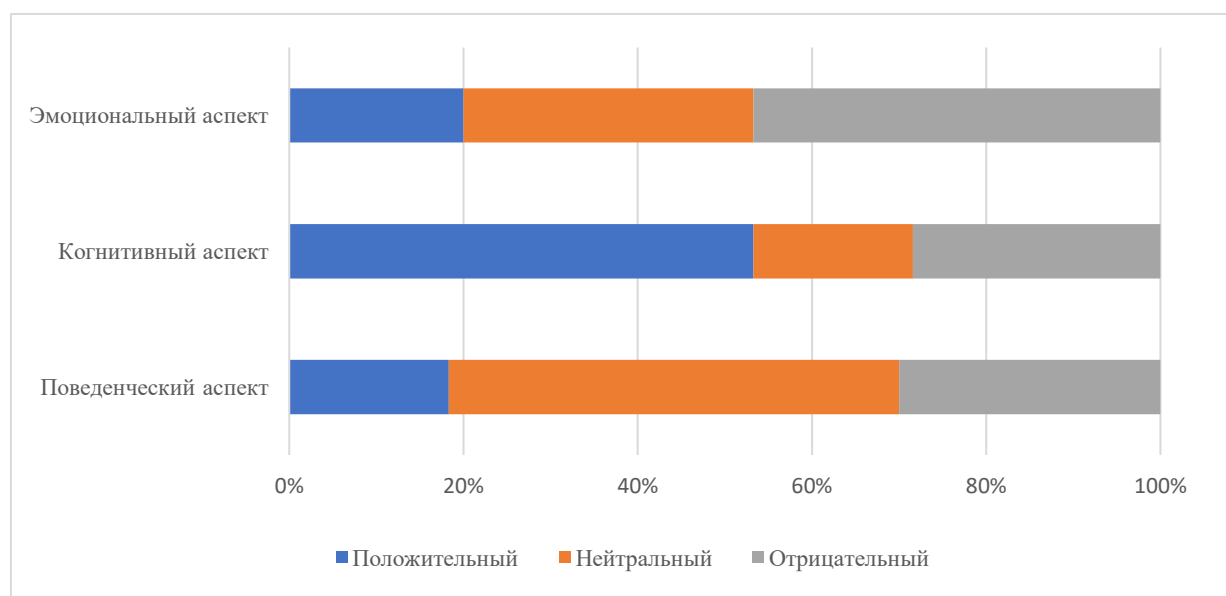

Рис. 2. Показатели различных аспектов представлений младшего школьника о насилии

Fig. 2. Indicators for different aspects of younger schoolchildren's perception of violence

По итогам проведенного исследования выявлено следующее.

По шкале «Эмоциональный аспект» у 28 учащихся (46,7 %) преобладают отрицательные ответы, что считается негативным результатом. Этот аспект освещает эмоциональные переживания, с которыми дети сталкиваются в повседневной жизни, исследуя причины, стоящие за определенными эмоциональными состояниями. Он дает представление о проблемах и стрессовых факторах, которые влияют на эмоциональное благополучие школьников, позволяя глубже понять эмоциональный фон, влияющий на мысли и поведение. Результаты таковы, что 28 учащихся отличаются несовершенным пониманием, осознанием своих либо чужих эмоций, чувств, часто неверным восприятием, истолкованием мимики и других выражений эмоциональных состояний окружающими. У остальных учеников ответы положительные и нейтральные (рис. 2).

По шкале «Когнитивный аспект» позитивные мысли преобладают у 32 младших школьников (53,3 %), что является хорошим признаком, т. е. у них вполне негативное восприятие насилия как явления. Наличие отрицательных ответов у 17 учащихся (28,4 %) говорит о том, что в их семье насилие может восприниматься как нормальное явление или приемлемое.

По шкале «Поведенческий аспект», выявляющей какое поведение является приемлемым для ребенка в ситуации насилия, большинство ответов (51,7 %) указывает на

нейтральную позицию. Отрицательные ответы у 18 учащихся (30 %), что означает, что у них может наблюдаться эмоциональная невосприимчивость, равнодушие, излишняя грусть, печаль, монотонное раскачивание, замкнутость, задумчивость или, наоборот, агрессивность, а также нарушение сна, вследствие чего возникает низкая успеваемость в школе [10]. И только у 11 учащихся (18,3 %) были положительные ответы.

Таким образом, данная методика предназначена для выявления представлений ребенка о насилии и учитывает эмоциональный, когнитивный и поведенческий аспекты. В случаях, когда ребенок не может открыто обсуждать свои травмы или трудности, которые причиняют ему страдания, то подход, представленный в этом исследовании, позволяет ему раскрыть и решить свои более глубокие личные проблемы без давления и привлечения внимания. Данная методика позволяет обучающимся выражать свои неосознанные мысли и чувства, тем самым, раскрывая ценную информацию об их внутреннем мире и эмоциональном состоянии⁴.

С целью выявления эмоциональных проблем и трудностей взаимоотношений в семье использована проективная методика «Рисунок семьи». Возраст респондентов подходит для использования данной методики, поскольку в этом возрасте у обучающихся появляется сформированное и осознанное представление об отношениях между их родителями (законными представителями), о том, как они ведут себя друг с другом и другими членами семьи. Результаты представлены на рисунке 3.

⁴ Яковлева Е. Л. Творчество как путь преодоления психологических травм: вариант судьбы Эльзы Скиапарелли // Медицина и искусство. – 2024. – Т. 2, № 1. –

С. 102–118. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=65608459> DOI: <https://doi.org/10.60042/2949-2165-2024-2-1-102-118>

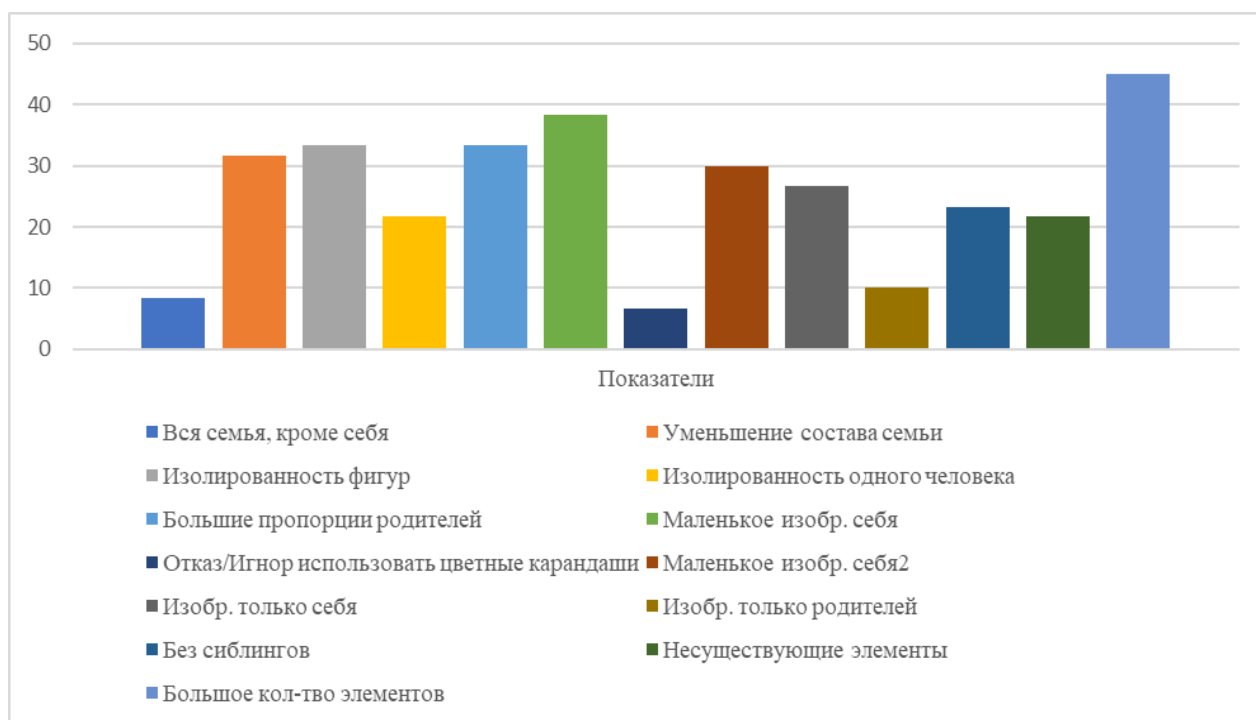

Рис. 3. Показатели взаимоотношений в семье

Fig. 3. Family relationship indicators

Исходя из результатов можно констатировать, что по первой шкале 5 учащихся (8,3 %) не нашли себе места на рисунке и нарисовали весь состав семьи, кроме себя, что доказывает наличие чувства собственной неполноценности. Во второй шкале 19 респондентов (31,7 %) уменьшили реальный состав семьи, что означает недостаточную эмоциональную связь ученика с «не нарисованным» человеком. У 20 обучающихся (33,3 %) недостаточно богатые эмоциональные отношения в семье (третья шкала). Слабую связь с каким-либо человеком по отношению с остальными членами семьи имеют 13 учащихся (21,7 %), которая (шкала «Изолированность одного члена семьи от других»). Чрезмерно большими родителей нарисовали 20 учеников (33,3 %) (пятая шкала). Скорее всего, в семье у данных обучающихся преобладает автори-

тарный стиль воспитания. Мелкое изображение всего состава семьи наблюдается у 23 учеников (38,3 %). Пройгнорировали использование цветных карандашей и фломастеров 4 ученика (6,7 %). Предпосылкой этого может стать низкая самооценка и тревожность.

К восьмой шкале «Чрезвычайно маленькое изображение себя» отнесено 18 обучающихся (30 %). Скорее всего, ребенок не чувствует свою значимость в семье. Противоположная восьмой шкале, девятая шкала обозначает эгоцентричность, ориентированность только на себя – наблюдается у 16 учеников (26,7 %). Только родителей нарисовали 6 учеников (10 %) (десятая шкала). Это может означать «недостаток внимания, возможное физическое насилие, заниженную самооценку, отчужденность и неполноценность». По следующей шкале «В изображении нет сиблингов» своих родных братьев и сестер не нарисовали

14 обучающихся (23,3 %). Возможно, родители недостаточно уделяют внимание ребенку, предпочитая заботиться о другом члене семьи. О недостатке внимания и заботы со стороны родителей также говорит двенадцатая шкала, в которой 13 респондентов (21,7 %). Большое количество предметов рисуют те ученики, у которых ослабленные и формализованные контакты с родителями. К последней шкале отнесено около половины детей – 45 %.

Таким образом, полного понимания проблем ученика младшего школьного возраста и его взаимоотношения с семьей невозможно достичь, изучая только его художественные работы, но это возможно, если использовать широкий спектр инструментов оценки, включая и проективную методику «Рисунок семьи». С помощью методики можно выявить ранние признаки возможного насилия или

других опасностей, а также жестокое обращение. Правильная интерпретация рисунков может дать важную информацию, поскольку эта проективная методика считается одним из наиболее эффективных методов оценки семейных отношений [5].

Чтобы выявить статистически значимые различия в личностных характеристиках, мы использовали t-критерий для одной выборки. Для расчета t-критерия нужна следующая информация: средние значения личностных параметров и стандартные отклонения. Эти значения рассчитаны с помощью программы Microsoft Excel, которая включает встроенные функции для расчета статистических параметров.

Как видно из результатов, представленных в таблице, показатель не вышел за критические значения $t_{кр} = 2,131$, следовательно, результаты являются достоверными.

Таблица

Показатели t-критерия по методике «Рисунок семьи»

Table

T-criterion values under the «Family pattern» method

Показатели	Рисунок семьи
$\bar{X}_{ср}$	15,31
μ	15
n	13
σ	51,5641
s	7,18081
t факт	0,155654
α	0,05
d.f.	12
$t_{критич}$	2,131

По результатам исследования из 60 обучающихся начальной школы 8 учащихся (4,8 %) получили отрицательные баллы, по крайней мере по всем трем методикам, что дает основание предположить, что эти дети младшего школьного возраста подвергаются

психологическому насилию в семье. По «Шкале личностной тревожности» у данных обучающихся преобладает самооценочная и межличностная тревожность. Данные показатели можно отметить и в их рисунках, например, когда они изобразили себя чрезвычайно

маленькими либо вовсе не нарисовали себя, что означает низкую самооценку и малую значимость в своей собственной семье. Межличностную тревожность можно проследить на таких показателях, как изолированность фигур друг от друга либо изолированность одной фигуры – с кем ребенок не любит контактировать. Также некоторые учащиеся уменьшили реальный состав семьи, не нарисовав либо родителей, либо сиблингов. Значит, у респондентов недостаточная эмоциональная связь с данным человеком, или у них конфликт, или просто он неприятен. Многие также дополнили свои рисунки вымышленными элементами: малознакомым человеком и домашними животными, а также нарисовали, помимо своей семьи, большое количество предметов. Это означает, что им не хватает внимания со стороны родителей, у них недостаточный уровень эмоционального общения. Данный фактор можно отметить и в методике «Незаконченные предложения», когда ученик отвечает на вопрос «Я хочу, чтобы меня...» утверждением, чтобы его понимали, уважали и любили. Также с помощью данной методики можно выяснить почему у ученика низкая самооценка. На вопрос «Мои близкие думают обо мне, что я...» большинство ответов данных респондентов были негативные: «Я неудачник», «Тупой или debil», «Позор семьи», «Идиот», «Безмозглая, глупая, не нужная», «Я ничего не добьюсь» и т. д.

Словесные оскорбления в адрес ребенка считаются формой психологического насилия. Результаты нашего опроса показывают, что такое насилие может быть нормой в этих семьях. Стоит отметить, что некоторые респонденты даже утверждали, что «воспитывать детей нужно с помощью ремня/наказаний». Хотя это необязательно доказывает, что физическое насилие действительно имеет место. Однако в

сочетании с такими ответами, как «бить другого можно, когда бьют тебя / человек нарывается» или «если тебя разозлили, то нужно бить или разозлить в ответ / молчать / подраться / ударить» и т. д., можно предположить, что у них искаженное представление о насилии.

Таким образом, трудно дать объективный анализ на основании только одной методики, но если использовать комплекс методик, то вполне возможно выявить психологическое насилие, которому подвергаются дети младшего школьного возраста. Данный комплекс полностью раскрывает несколько ключевых аспектов, таких как эмоциональное состояние, анализ семейной динамики и условий жизни и восприятие семейных отношений. В совокупности эти методики обеспечивают многосторонний анализ, позволяя не только выявить детей младшего школьного возраста, подвергающихся психологическому насилию, но и глубже понять их переживания и потребности. Такой комплексный подход повышает надежность и валидность результатов диагностики, что способствует более эффективным интервенциям и поддержке детей.

Заключение

Детская психика является менее защищенной, чем взрослая, и наличие переживания психологических неразрешенных проблем может в итоге привести к развитию различных дисфункций, что отразится на становлении успешной и гармоничной личности. Проведенное исследование позволило разработать комплекс методик по выявлению психологического насилия над детьми младшего школьного возраста. Также авторами была подтверждена специфика диагностики психологического насилия, которая заключается в том, что она требует комплексного подхода, учитывающего как индивидуальные особенности ребенка, так и контекст его взаимодействия с

окружающей средой. Психологическое насилие может проявляться в различных формах, таких как эмоциональное пренебрежение, манипуляции, запугивание и другие негативные воздействия, которые могут не оставлять видимых следов, но оказывают глубокое влияние на психическое здоровье и развитие ребенка. По итогам исследования авторами выявлены результаты оценки последствий психологического насилия. Во-первых, это эмоциональные и психологические проблемы, когда дети, подвергшиеся психологическому насилию, могут испытывать повышенный уровень тревожности, депрессии, иметь низкую самооценку и проблемы с самоидентификацией. Во-вторых, психологическое насилие может негативно сказаться на способности ребенка устанавливать и поддерживать здоровые социальные связи, что может привести к изоляции и трудностям в общении. В-третьих, может наблюдаться нарушение когнитивного

развития и физического здоровья. Дети, пережившие психологическое насилие, могут иметь проблемы с концентрацией, обучением и памятью, что, в свою очередь, может повлиять на их академическую успеваемость. Также хронический стресс, вызванный психологическим насилием, может привести к различным физическим проблемам, включая нарушение сна, головные боли и другие соматические симптомы. Последствия психологического насилия могут сохраняться на протяжении всей жизни, влияя на будущие отношения, профессиональную деятельность и общее качество жизни.

Таким образом, диагностика и оценка последствий психологического насилия являются важными для разработки эффективных интервенций и поддержки детей, чтобы минимизировать негативные последствия и способствовать их успешному развитию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Caro Osorio P., Turner W., Caldwell D. M., Macdonald G. M. Comparative effectiveness of psychological interventions for treating the psychological consequences of sexual abuse in children and adolescents: a network meta-analysis // *Cochrane Database of Systematic Reviews*. – 2023. – Vol. 6. – P. 1–45. DOI: <https://doi.org/10.1002/14651858.CD013361>
2. Castro A. Disruptive irritability & family dysfunction correlation: analysis through family drawings // *European Psychiatry*. – 2023. – Vol. 66 (S1). – P. S715. DOI: <https://doi.org/10.1192/j.eurpsy.2023.1497>
3. Doroudchi A., Zarenezhad M., Hosseini Z. H. Psychological complications of the children exposed to domestic violence: a systematic review // *Egyptian Journal of Forensic Sciences*. – 2023. – Vol. 13 (1). – P. 26–40. DOI: <https://doi.org/10.1186/s41935-023-00343-4>
4. Ejim J. P. An in-depth investigation of the widespread effects of child abuse on development and wellbeing // *Newport International Journal of Current Issues in Arts and Management*. – 2024. – Vol. 4 (1). – P. 4–7. DOI: <https://doi.org/10.59298/NIJCIAM/2024/4.1.4723>
5. Gennari M., Tamanza G. The Conjoint Family Drawing: A Tool to Explore Family Relationships // *Frontiers in Psychology*. – 2022. – Vol. 13. – P. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.884686>
6. Gesinde A. Gender and paternal psychological abuse on psychopathology symptoms among children and adolescents in Akwa Ibom State, Nigeria // *Cogent Social Sciences*. – 2020. – Vol. 6 (1). – P. 1–15. DOI: <https://doi.org/10.1080/23311886.2020.1783911>

7. Joleby M., Landström S., Lunde C., Jonsson L. S. Experiences and psychological health among children exposed to online child sexual abuse – a mixed methods study of court verdicts // *Psychology, Crime & Law*. – 2021. – Vol. 27 (2). – P. 159–181. DOI: <https://doi.org/10.1080/1068316X.2020.1781120>
8. Kolev Ya. G. The child abuse in Bulgaria // *Russian Journal of Forensic Medicine*. – 2019. – Vol. 5 (3). – P. 4–10. DOI: <https://doi.org/10.19048/2411-8729-2019-5-3-4-10>
9. Korkeila J. Organization of Community Psychiatric Services in Finland // *Consortium Psychiatricum*. – 2021. – Vol. 2 (1). – P. 55–64. DOI: <https://doi.org/10.17816/CP64>
10. Melinder A., Hagen M. A., Sandberg K. In the Best Interest of the Child: the Norwegian Approach to Child Protection // *Internet Journal on Child Malt*. – 2021. – Vol. 4 (3). – P. 209–230. DOI: <https://doi.org/10.1007/s42448-021-00078-6>
11. Nur L. F., Tyas R. W., Mintarti. Teacher's Strategy in Preventing Acts of Violence Through the Child-Friendly School Program // *Jurnal Pendidikan Sosiologi dan Humaniora*. – 2023. – Vol. 14 (2). – P. 248–259. DOI: <https://doi.org/10.26418/j-psh.v14i2.66532>
12. Özer Hazal P., Abakli İ., Merve P. Knowledge and experience of pediatricians and pedodontists in identifying and managing child abuse and neglect cases // *Medicine*. – 2024. – Vol. 103 (12). – P. e37548. DOI: <https://doi.org/10.1097/MD.00000000000037548>
13. Simmons C., Meiser-Stedman R., Baily H., Beazley P. A meta-analysis of dropout from evidence-based psychological treatment for post-traumatic stress disorder (PTSD) in children and young people // *European Journal of Psychotraumatology*. – 2021. – Vol. 12 (1). – P. 1–20. DOI: <https://doi.org/10.1080/20008198.2021.1947570>
14. Wauthier L., Williams J. M. A qualitative study of children's accounts of cruelty to animals: uncovering the roles of trauma, exposure to violence, and attachment // *Journal of Interpersonal Violence*. – 2022. – Vol. 37 (9–10). – P. 1–25. DOI: <https://doi.org/10.1177/0886260520928640>
15. Wuebken K., Bempohl F., Boedeker K., Hindi Attar C., Kluczniok D., Schoofs N., Fuchs A., Neukel C., Herpertz S. C., Brunner R., Winter S. M., Kaess M., Jaite C., Dittrich K. The mediating role of attachment and anger: exploring the impact of maternal early-life maltreatment on child abuse potential // *Frontiers in Psychiatry*. – 2023. – Vol. 14. – P. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsy.2023.1267038>
16. Аксютин А. А., Удалова Т. Ю. Психологическое насилие родителей в отношении детей из-за школьной отметки // *Психопедагогика в правоохранительных органах*. – 2022. – № 1. – С. 50–59. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48200211>
17. Воронцов Д. Б. Особенности буллинга в школе // *Вестник Череповецкого государственного университета*. – 2020. – № 2. – С. 129–137. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42720553> DOI: <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2020-2-95-10>
18. Ганузин В. М., Борохов Б. Д. Психотравмирующие факторы в школьном возрасте и их влияние на здоровье: постдидактическое стрессовое расстройство (обзор) // *Медицинская психология в России*. – 2022. – № 1. – С. 1–8. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=53814632> DOI: <https://doi.org/10.1007/s10802-013-9847-4>
19. Лолаева А. С., Худалова М. З. Влияние детской психологической травмы на взрослую жизнь // *Психолог*. – 2024. – № 2. – С. 33–48. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=65673639> DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8701.2024.2.70417>
20. Райкова К. А., Ефимов А. А., Курзин Л. М., Савенкова Е. Н., Алексеев Ю. Д., Ивахина С. А. Роль проективных методов психодиагностики в выявлении случаев домашнего насилия над детьми // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Естественные и технические науки*. –

2016. – Т. 21, № 6. – С. 2314–2320. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27423108> DOI: <https://doi.org/10.20310/1810-0198-2016-21-6-2314-2320>
21. Сушкова И. В., Красова Т. Д., Чуйкова Ж. В., Емельянова И. Д. Опасности для детей в современном мире: опрос педагогов и родителей // Перспективы науки и образования. – 2023. – № 2. – С. 23–49. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=52657595> DOI: <https://doi.org/10.32744/pse.2023.2.2>
22. Шишкина К. И., Волчегорская Е. Ю., Жукова М. В. Социально-психологические факторы и условия превенции буллинга в начальной школе // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2021. – № 4. – С. 218–231. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47565060> DOI: <https://doi.org/10.25588/CSPU.2021.42.61.013>

Поступила: 03 марта 2025 Принята: 10 мая 2025 Опубликовано: 30 июня 2025

Заявленный вклад авторов:

Егорова Анна Павловна: сбор эмпирического материала, выполнение статистических процедур, оформление текста статьи.

Винокурова Айыына Ильинична: сбор материалов, литературный обзор.

Челбердирова Надежда Михайловна: сбор материалов, литературный обзор.

Антонова Юлия Тихоновна: организация исследования, концепция и дизайн исследования, интерпретация результатов и общее руководство

Все авторы ознакомились с результатами работы и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о конфликте интересов:

Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов в связи с публикацией данной статьи

Информация об авторах

Егорова Анна Павловна

Ассистент,

кафедра психологии и социальных наук,

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова,

ул. Белинского, 58, 677000, Якутск, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4304-7891>

SPIN-код: 2369-4323

E-mail: egorovanna00@mail.ru

Винокурова Айыына Ильинична

Студент,
кафедра психологии и социальных наук,
Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова,
ул. Белинского, 58, 677000, Якутск, Россия.
ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0006-9320-1611>
SPIN-код: 2436-6572
E-mail: ainvinil@mail.ru

Челбердирова Надежда Михайловна

Преподаватель,
Школьное отделение,
Якутский педагогический колледж им. С.Ф. Гоголева,
проспект Ленина, 5, 677000, г. Якутск, Россия.
ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0003-1050-6187>
SPIN-код: 1432-2981
E-mail: nadya.chelberdirova@bk.ru

Антонова Юлия Тихоновна

кандидат педагогических наук, доцент
кафедра психологии и социальных наук,
Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова,
ул. Белинского, 58, 677000, Якутск, Россия.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9381-6137>
SPIN-код: 2566-0493
E-mail: antonovayt@s-vfu.ru

Specifics of the comprehensive diagnosis of psychological violence: Assessment of the consequences for the development of primary school children

Anna P. Egorova¹, Aayna I. Vinokurova¹, Nadezhda M. Chelberdirova², Yulia T. Antonova ¹

¹ M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

² S.F. Gogolev Yakutsk Pedagogical College, Yakutsk, Russian Federation

Abstract

Introduction. The article discusses the problem of using various diagnostic techniques to identify psychological violence and abuse in relation to children of primary school age. The purpose of the study is to determine the effectiveness of using a complex of diagnostic techniques for revealing psychological violence against children of primary school age with a view to assess the consequences thereof.

Materials and Methods. The methodological basis of the research is rooted in a comprehensive approach grounded on the universal interrelationship of phenomena and the need for a thorough study of the object of research.

The theoretical basis of the study is represented by extensive psychological literature, Russian and foreign monographs, results of research on the stated problem published in scholarly periodicals, reference literature based on provisions of such authors as S. Freud, E. Kraepelin, H. Selye, M.M. Reshetnikov, D. Kalsched and others.

The empirical study was based on the formalised diagnostic methods: A.N. Prikhodzhan's "Personality Anxiety Scale", "Incomplete Sentences" modified by E.N. Volkova, and L. Korman's "Family Pattern". Student's *t*-test as a method of mathematical statistics was used to process the obtained data. The diagnostic survey was carried out throughout the 2023-2024 academic year among primary school students of a secondary general education school in Yakutsk. The sample consisted of children aged 10-11 ($N=60$). The study was conducted in a group setting on the basis of consent from one of the parents ($N=60$) and class teachers ($N=2$).

Results. The authors, having analysed the theoretical literature, noted that signs of psychological violence against primary school children are not diagnosed fully enough because of the students' age peculiarities (secrecy, low awareness of psychological violence, etc.).

Having substantiated the effectiveness of a set of diagnostic methods for revealing psychological violence and abuse of primary school children, the authors revealed that in total eight children of primary

For citation

Egorova A. P., Vinokurova A. I., Chelberdirova N. M., Antonova Yu. T. Specifics of the comprehensive diagnosis of psychological violence: Assessment of the consequences for the development of primary school children. *Science for Education Today*, 2025, vol. 15 (3), pp. 181–199. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2503.09>

  Corresponding Author: Yulia Tikhonovna Antonova, antonovayt@s-vfu.ru

© Anna P. Egorova, Aayna I. Vinokurova, Nadezhda M. Chelberdirova, Yulia T. Antonova, 2025

school age were found to have increased negative assessments testifying to high anxiety level (N=8) and respective perceptions of violence and destructive intra-family relations, which signs confirm the presence of psychological violence and abuse in these respondents' lives. The authors emphasise that these effects can be exacerbated if psychological violence and abuse are of a long-term nature, leading to serious consequences for the all-round development of a primary school student, including underachievement, deterioration in peer relations, impaired social adaptation and lack of motivation to learn.

Conclusions. The complex of methods presented by the authors towards identifying psychological violence against children of primary school age have shown their effectiveness in practice and are recommended for use as a key tool for revealing psychological violence by an educational psychologist at school.

Keywords

Primary school students; School age; Psychological violence; Family pattern; Anxiety level; Trait anxiety; Post-traumatic stress disorders; Age-specific features; Diagnostics of anxiety level.

REFERENCES

1. Caro Osorio P., Turner W., Caldwell D. M., Macdonald G. M. Comparative effectiveness of psychological interventions for treating the psychological consequences of sexual abuse in children and adolescents: A network meta-analysis. *Cochrane Database of Systematic Reviews*, 2023, vol. 6, pp. 1-45. DOI: <https://doi.org/10.1002/14651858.CD013361>
2. Castro A. Disruptive irritability & family dysfunction correlation: Analysis through family drawings. *European Psychiatry*, 2023, vol. 66 (S1), pp. S715. DOI: <https://doi.org/10.1192/j.eurpsy.2023.1497>
3. Doroudchi A., Zarenezhad M., Hosseini Z. H. Psychological complications of the children exposed to domestic violence: A systematic review. *Egyptian Journal of Forensic Sciences*, 2023, vol. 13 (1), pp. 26-40. DOI: <https://doi.org/10.1186/s41935-023-00343-4>
4. Ejim J. P. An in-depth investigation of the widespread effects of child abuse on development and wellbeing. *Newport International Journal of Current Issues in Arts and Management*, 2024, vol. 4 (1), pp. 4-7. DOI: <https://doi.org/10.59298/NIJCIAM/2024/4.1.4723>
5. Gennari M., Tamanza G. The conjoint family drawing: A tool to explore family relationships. *Frontiers in Psychology*, 2022, vol. 13, pp. 1-18. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.884686>
6. Gesinde A. Gender and paternal psychological abuse on psychopathology symptoms among children and adolescents in Akwa Ibom State, Nigeria. *Cogent Social Sciences*, 2020, vol. 6 (1), pp. 1-15. DOI: <https://doi.org/10.1080/23311886.2020.1783911>
7. Joleby M., Landström S., Lunde C., Jonsson L. S. Experiences and psychological health among children exposed to online child sexual abuse – a mixed methods study of court verdicts. *Psychology, Crime & Law*, 2021, vol. 27 (2), pp. 159-181. DOI: <https://doi.org/10.1080/1068316X.2020.1781120>
8. Kolev Ya. G. The child abuse in Bulgaria. *Russian Journal of Forensic Medicine*, 2019, vol. 5 (3), pp. 4-10. DOI: <https://doi.org/10.19048/2411-8729-2019-5-3-4-10>
9. Korkeila J. Organization of community psychiatric services in Finland. *Consortium Psychiatricum*, 2021, vol. 2 (1), pp. 55-64. DOI: <https://doi.org/10.17816/CP64>
10. Melinder A., Hagen M. A., Sandberg K. In the best interest of the child: The Norwegian approach to child protection. *Internet Journal on Child Malt*, 2021, vol. 4 (3), pp. 209-230. DOI: <https://doi.org/10.1007/s42448-021-00078-6>
11. Nur L. F., Tyas R. W., Mintarti. Teacher's strategy in preventing acts of violence through the child-friendly school program. *Jurnal Pendidikan Sosiologi dan Humaniora*, 2023, vol. 14 (2), pp. 248-259. DOI: <https://doi.org/10.26418/j-psh.v14i2.66532>

12. Özer Hazal P., Abakli İ., Merve P. Knowledge and experience of pediatricians and pedodontists in identifying and managing child abuse and neglect cases. *Medicine*, 2024, vol. 103 (12), pp. e37548. DOI: <https://doi.org/10.1097/MD.00000000000037548>
13. Simmons C., Meiser-Stedman R., Baily H., Beazley P. A meta-analysis of dropout from evidence-based psychological treatment for post-traumatic stress disorder (PTSD) in children and young people. *European Journal of Psychotraumatology*, 2021, vol. 12 (1), pp. 1-20. DOI: <https://doi.org/10.1080/20008198.2021.1947570>
14. Wauthier L., Williams J. M. A qualitative study of children's accounts of cruelty to animals: Uncovering the roles of trauma, exposure to violence, and attachment. *Journal of Interpersonal Violence*, 2022, vol. 37 (9-10), pp. 1-25. DOI: <https://doi.org/10.1177/0886260520928640>
15. Wuebken K., Bempohl F., Boedeker K., Hindi Attar C., Kluczniok D., Schoofs N., Fuchs A., Neukel C., Herpertz S. C., Brunner R., Winter S. M., Kaess M., Jaite C., Dittrich K. The mediating role of attachment and anger: Exploring the impact of maternal early-life maltreatment on child abuse potential. *Frontiers in Psychiatry*, 2023, vol. 14, pp. 1-18. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyt.2023.1267038>
16. Aksyutina Z. A., Udalova T. Yu. Parents' psychological violence against children due to school marks. *Psychopedagogy in Law Enforcement Agencies*, 2022, no. 1, pp. 50-59. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48200211>
17. Vorontsov D. B. School bullying features. *Bulletin of Cherepovets State University*, 2020, no. 2, pp. 129-137. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42720553> DOI: <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2020-2-95-10>
18. Ganuzin V. M., Borokhov B. D. Psychotraumatic factors at school age and their impact on health: Postdidactic stress disorder (review). *Medical Psychology in Russia*, 2022, no. 1, pp. 1-8. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=53814632> DOI: <https://doi.org/10.1007/s10802-013-9847-4>
19. Lolaeva A. S., Hudalova M. Z. The impact of childhood psychological trauma on adult life. *Psychologist*, 2024, no 2, pp. 33-48. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=65673639> DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8701.2024.2.70417>
20. Raykova K. A., Efimov A. A., Kurzin L. M., Savenkova E. N., Alekseev Yu. D., Ivakhina S. A. The role of projective psycho diagnostic methods in identifying domestic violence cases over children. *Bulletin of Tambov University. Series: Natural and Technical Sciences*, 2016, vol. 21 (6), pp. 2314-2320. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27423108> DOI: <https://doi.org/10.20310/1810-0198-2016-21-6-2314-2320>
21. Sushkova I. V., Krasova T. D., Chuikova Zh. V., Emelyanova I. D. Dangers to children in today's world: a survey of educators and parents. *Perspectives of Science and Education*, 2023, no. 2, pp. 23-49. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=52657595> DOI: <https://doi.org/10.32744/pse.2023.2.2>
22. Shishkina K. I., Volchegorskaya Ye. Yu., Zhukova M. V. Socio-psychological factors and conditions of bullying prevention in primary school. *Bulletin of the South Ural State Humanitarian Pedagogical University*, 2021, no. 4, pp. 218-231. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47565060> DOI: <https://doi.org/10.25588/CSPU.2021.42.61.013>

Submitted: 03 March 2025

Accepted: 10 May 2025

Published: 30 June 2025

This is an open access article distributed under the [Creative Commons Attribution License](#) which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0).

The authors' stated contribution:

Anna P. Egorova

Contribution of the co-author: collecting empirical material, performing statistical procedures, formatting the text of the article.

Aayna I. Vinokurova

Contribution of the co-author: collection of materials, literary review.

Nadezhda M. Chelberdirova

Contribution of the co-author: collection of materials, literary review.

Yulia T. Antonova

Contribution of the co-author: organization of the study, concept and design of the study, interpretation of the results and general guidance of the study.

All authors reviewed the results of the work and approved the final version of the manuscript.

Information about competitive interests:

The authors declare no apparent or potential conflicts of interest in connection with the publication of this article

Information about the Authors

Anna Pavlovna Egorova

Assistant Professor,
Psychology and Social Sciences,
M. K. Ammosov North-Eastern Federal University,
58, Belinsky str., 677000, Yakutsk, Russian Federation.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4304-7891>
E-mail: egorovanna00@mail.ru

Aayna Ilyinichna Vinokurova

Student,
Psychology and Social Sciences,
M. K. Ammosov North-Eastern Federal University,
58, Belinsky str., 677000, Yakutsk, Russian Federation.
ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0006-9320-1611>
E-mail: ainvinil@mail.ru

Nadezhda Mikhailovna Chelberdirova

Teacher,
School Department,
S.F. Gogolev Yakutsk Pedagogical College,
5, Lenin Pr., 677000, Yakutsk, Russian Federation.
ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0003-1050-6187>
E-mail: nadya.chelberdirova@bk.ru

Yulia Tikhonovna Antonova

PhD (Pedagogy), Associate Professor,
Psychology and Social Sciences,
M. K. Ammosov North-Eastern Federal University,
58, Belinsky str., 677000, Yakutsk, Russian Federation.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9381-6137>
E-mail: antonovayt@s-vfu.ru